

Научная статья

УДК 343.9

doi: 10.17223/22253513/46/2

Социокультурные предпосылки культа агрессии и деструктивных процессов в молодежной среде

Алексей Петрович Детков¹, Мария Александровна Стародубцева²

^{1,2} *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

¹ *detkov-altai@yandex.ru*

² *starodubzewa@gmail.com*

Аннотация. Отмечается, что в условиях продолжающейся гибридно-информационной войны на международной арене и стремительной цифровизации общества одним из важнейших факторов, влияющих на формирование деструктивных процессов в молодежной среде, является причинный комплекс. Он создает предпосылки для формирования культа агрессии и идеологии терроризма, массово распространяющий сегодня свои воззрения в киберпространстве. Террористические постулаты закладываются в неокрепшей психике подростков и молодежи средствами массовой культуры и формированием агрессивных идеалов.

Ключевые слова: массовая культура, цифровизация, гибридно-информационная война, эскапизм, нравственность

Для цитирования: Детков А.П., Стародубцева М.А. Социокультурные предпосылки культа агрессии и деструктивных процессов в молодежной среде // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 46. С. 26–36. doi: 10.17223/22253513/46/2

Original article

doi: 10.17223/22253513/46/2

Socio-cultural preconditions for the cult of aggression and destructive processes among young people

Alexey P. Detkov¹, Maria A. Starodubtseva²

^{1,2} *Altai State University, Barnaul, Russian Federation*

¹ *detkov-altai@yandex.ru*

² *starodubzewa@gmail.com*

Abstract. The article analyses the socio-cultural preconditions of the cult of aggression and destructive processes in the modern youth environment. The authors point out that the ongoing global hybrid war of information is using the levers of mass culture for its own purposes. The Internet has become one of its main spokespeople and its main advantage - the high speed of spontaneous dissemination of information. In essence, it is about the purposeful formation of a new type of terrorist by the ideologists of terrorist organizations through the distortion of consciousness and

worldview. Further the authors specify the marked chronological sequence of application to Russian youth of technologies of management of masses from 2014 to 2021.

Such technologies have been organically incorporated into mass Internet culture, not least because of the new ideal of young people - the anti-hero who challenges the system and destroys their enemies exclusively by force. In society today there is a desire for individualism, for isolation.

Instead of critical analysis, cliched thinking, born and bred by a crisis of ideals, dominates today. An example is the now booming genre of superhero cinema. Bright heroes in equally bright and grotesque costumes battle some alien evil, destroying half of their own world along the way. It's a dumbing down of sensuality, a domination of form over content, a cliched shell that hides a reverse morality of permissiveness. And this is one of the tenets of terrorist movements and destructive ideologies.

In order to confirm these theses, the authors conducted criminological research aimed at identifying the causes of the distortion of the moral image of modern society and moral categories in mass culture. The relationship between the moral values of individuals and their impact on the crime situation in society was studied.

The study was conducted among teachers and students of the College of Altai State University. The respondents were also teachers from the Department of Criminal Law and Criminology at the Law Institute and the Department of Social Philosophy, Ontology and Theory of Knowledge at the Institute of Mass Communication, Philosophy and Political Science. A total of 330 respondents, aged 18-25 (students), 30-45 (teachers) were randomly sampled.

The results confirmed the authors' hypothesis that the cult of power propagated by the mass media provoked a spontaneous social contamination, which was met by a surge of violent acts of a terrorist nature. Hybrid confrontation between states and uncontrolled, and often encouraged, terrorist activities in the digital sphere have given rise to an aggressive ideal of the hero of our time. Combating this triad requires a solid ideological basis in the anti-terrorist sphere, created through the joint efforts of the state and civil society institutions.

Keywords: mass culture, digitalization, hybrid information warfare, escapism, morality

For citation: Detkov, A.P. & Starodubtseva, M.A. (2022) Socio-cultural preconditions for the cult of aggression and destructive processes among young people. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 46. pp. 26–36. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/46/2

Традиционно под культурой принято понимать некую систему хранения и передачи информации, навыков и умений от поколения к поколению. В процессе передачи информации и технологий в сознание человека закладывается ряд культурных паттернов, установок, которые, преломляясь через мироощущение конкретного человека, формируют единую картину мира внутри мира. Именно поэтому обычно в культуре выделяют информационный, технологический и ценностный уровни. Культура обволакивает человека подобно кокону. С помощью таких ее категорий, как добро и зло, честь и долг, свобода и справедливость, человек интериоризирует мир, формирует свой жизненный опыт и систему ориентиров [1. С. 37].

Сегодня все чаще звучит мнение о том, что из вышеуказанных культурных уровней доминируют информационный и технологический, что означает потерю духовно-нравственных ценностей. Духовность же, дух в понимании В. Соловьева – это единство истины, добра и красоты, то есть в

традиционном философском понимании – это познавательное, нравственное и эстетическое. Сами по себе категории добра, красоты, истины есть разные пути к обретению смысла жизни, гармоничного существования человека в мире [2. С. 124].

Каждое последующее поколение всецело отдается разуму и комфорту, превращаясь в неких биороботов, социально отчужденных друг от друга. Этот процесс, как нам кажется, не в последнюю очередь связан с воздействием массовой культуры, которая, по мнению многих исследователей, насаждает стереотипы сознания и поведения человека, заглушая его духовное начало [3. С. 21].

Сам термин «культура» сегодня обычно воспринимается именно с приставкой «массовая». Как считается, данная форма человеческого существования сформировалась обществом потребления, возникшим менее сотни лет назад. С тех пор массовая культура перешла из разряда материальных благ в сферу мировоззрения, создала новый тип картины мира, принимаемый многими без сомнений. Если изначально массовая культура воспринималась как антипод культуры элитарной, то сейчас она фактически поглощает собой последнюю. Это ее реальность и это же распространённый стереотип.

Чаще всего под массовой культурой понимается коммерческий кинематограф, коммерческая литература, где действуют близкие и понятные зрителю персонажи, воссоздаются реалии современной эпохи и звучат легко воспринимаемые послы. Многие исследователи описывают, как массовая культура разрушает все порядочное, что есть в человеке, насаждая хаос. Все это, безусловно, справедливо. Однако социум есть сложнейшее явление и его порождения также сложны и многогранны. Даже поверхностно осознать феномен массовой культуры невозможно без обращения к ее истокам [4. С. 75].

Информационную эпоху иногда называют цивилизацией протезов, указывая, что поток информации притупляет чувствительность, понижает смысловую нагрузку [5. С. 144]. Важно обратить внимание читателя броским заголовком и удержать его внимание те несколько минут, пока он будет листать ленту новостей на экране смартфона. Эти новостные ленты как раз и формирует массовая культура. Здесь она, по сути, выступает связующим звеном между человеком и обществом. Особенно это стало заметно в пандемийный и постпандемийный период 2020–2021 гг., когда сотни тысяч находящихся в изоляции людей ежеминутно приникали к экранам телефонов и компьютеров, ведь только так можно было узнать свежие новости или просто пообщаться.

Период локдаунов не только вырвал людей из привычного ритма жизни, но и открыл им дорогу в мир эскапизма, позволил сбежать от реальных переживаний в близкий и простой мир бестселлеров и кинохитов. С помощью такого особого свойства массовой культуры, как телесность, в произведениях складывается апология сиюминутности, самоценного ощущения жизни, оберегающая человека от драм прошлого и шока будущего.

И здесь нетрудно заметить, что разнообразие массовой культуры происходит из культуры элитарной. Когда художник в своих произведениях выражает мировидение, некое знание жизни, массовая культура трансформирует это знание в информацию, адаптирует ко вкусу большинства. Она словно «вводит знание в оборот», позволяет ему свободно восприниматься людьми и осуществиться в полной мере. Массовая культура становится посредником между человеком и элитарным знанием, решает задачу просвещения и формирования нравственных основ мировоззрения личности [6. С. 207]. Именно в этом ее аспекте, на наш взгляд, может таиться опасность стихийного социального «заражения» масс.

Отсутствие духовно-нравственных скрепов, общепризнанной идеологии, замкнутость и разобщенность молодежи, культ насилия, антигероев и антагонистов являются орудиями мировой гибридной войны, с одной стороны и террористической вербовки – с другой [7. С. 3].

Для подтверждения выдвинутых тезисов нами было проведено криминологическое исследование, направленное на выявление причин искажения нравственного облика современного общества и моральных категорий в массовой культуре. Изучалась взаимосвязь между моральными ценностями индивидов и их влиянии на криминогенную обстановку в обществе [7. С. 4].

На первый вопрос, который мы задали респондентам – «Как Вы оцениваете духовно-нравственное состояние современного общества?» – 69,4% студентов и 85,4% преподавателей ответили, что ценности современного общества далеки от нравственного идеала (рис. 1). По их мнению, морально-нравственные категории искажены, массовая культура не разграничивает и не противопоставляет нравственное и безнравственное. Ценностный мотив, намерение не всегда соответствуют поступку. Нередко полезные результаты имеют негативную ценностную ориентацию. При этом моральная оценка поступка осуществляется только на основании его результата [8. С. 105].

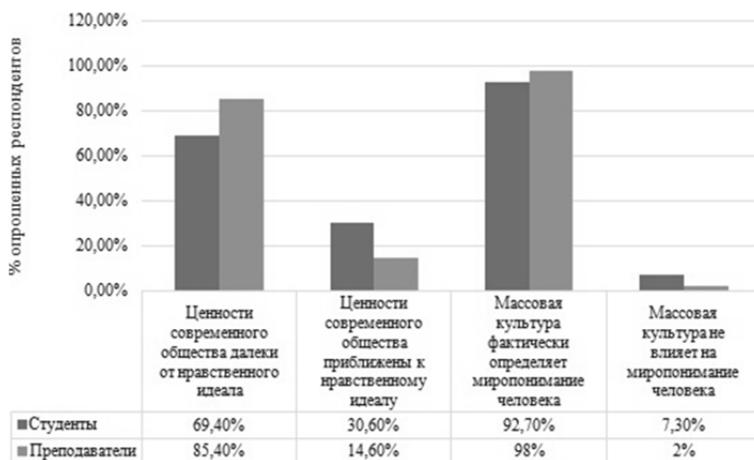

Рис. 1. Соотношение влияния массовой культуры на миропонимание человека

Меняется и сама мораль. Мировая гибридно-информационная война использует рычаги массовой культуры в своих целях (рис. 2).

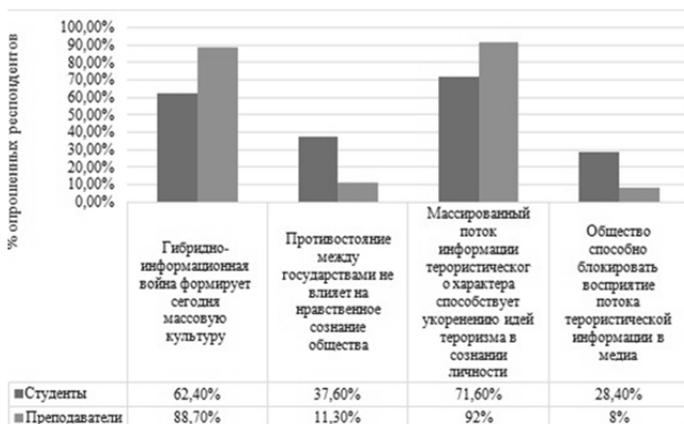

Рис. 2. Влияние информационной войны и терроризма в цифровой сфере на искажение идеалов массовой культуры

Одним из ее рупоров стала сеть Интернет и ее основное достоинство – высокая скорость стихийного распространения информации. По сути, речь идет о целенаправленном формировании идеологами террористических организаций нового типа террориста через искажение сознания и мировоззрения. В 2016–2017 гг. мы наблюдали первый опыт подобной вербовки – всплеск активности суицидальных сообществ в социальных сетях. Субкультура самоубийств менее чем за полгода стала повсеместной и не утихает до сих пор. Интернет-страницы игроков смертельных забав стали объектами поклонения, идеалом считается игрок, выполнивший последнее задание – собственно, самоубийство [9. С. 34].

На эту почву нестабильной неокрепшей подростковой психики, сформированной на смертельных идеалах, наложилась волна скулшутинга в российских образовательных учреждениях. Отметим, что до 2014 г. данное явление в нашей действительности не встречалось. Произошедший 17 октября 2018 г. в Керченском политехническом колледже массовый расстрел во многом повторяет трагедию в апреле 1999 г. в США. Речь о взрыве и массовом расстреле в старшей школе «Колумбайн» (штат Колорадо). Тогда террористов было двое: Эрик Харрис (18 лет) и Дилан Клиболд (17 лет) – учащиеся той самой школы. Действия керченского стрелка по ряду эпизодов буквально до мелочей повторяют тактику американских преступников, которые устанавливали бомбы (из газовых баллонов с поражающими элементами) в столовой школы и расстреливали сверстников и педагогов. Одно из мест расстрела – школьная библиотека. Именно в библиотеке впоследствии было обнаружено и тело Рослякова, который даже переоделся в тот вариант одежды, который использовали американские юные террористы.

Это только один эпизод процветающей в интернет-сообществах субкультуры «Колумбайн». 20 сентября 2021 г. в Пермском государственном университете произошла аналогичная трагедия, а за полгода до нее – 11 мая 2021 г. – эхо «Колумбайна» прогремело в казанской гимназии № 175.

И это только несколько моментов из хронологии скулшутинга в России. Данное явление смогло органично вписаться в массовую интернет-культуру не в последнюю очередь благодаря новому идеалу молодежи – антигерою, бросающему вызов системе, уничтожающему своих врагов исключительно силовыми методами. В обществе сегодня есть стремление к индивидуализму, к изоляции. Старые системы вовлеченности друг в друга уже не работают, а новые не выстроены, нет общественного присмотра, реакции друг на друга.

Вместо критического анализа сегодня доминирует клиповое мышление, порожденное и воспитанное кризисом идеалов. Пример – бурно развивающийся сейчас жанр супергеройского кино. Яркие герои в не менее ярких и гротескных костюмах сражаются с неким инопланетным злом, по пути уничтожая половину собственного мира. Это как раз уже упомянутое нами притупление чувственности, доминирование формы над содержанием, клиповая оболочка, прячущая в себе обратную мораль вседозволенности. А это уже один из постулатов террористических течений и деструктивных идеологий [10. С. 49].

Под массивным воздействием отрицательных идеалов рождается новый тип сознания – мышление террориста-индивидуалиста, невротика без четкой гражданской позиции. Он подпитывается боевым идеалом масс, таким же невротиком и психопатом с истерзанным прошлым, он подражает такому идеалу и воплощает его в жизнь. Формирование террористического сознания имеет свою логику и свою структуру, оно подобно воронке – имеет циклический характер. Возникает на фоне негативных эмоций: внутреннее раздражение, фрустрация, недовольство. И только потом усваивается так называемая сверхценная идея, призванная разрешить внутреннее напряжение. Начинается взаимная подпитка: негативные эмоции усиливают разрушительную идею, а идея в свою очередь подпитывает негатив. Все это идет по спирали, убыстряется и усиливается.

В условиях современного гибридно-информационного противостояния между государствами массовая культура становится бегством от реальности, и от того, в чьих руках окажутся ее основные рычаги, зависит, в какой мир она может привести истосковавшееся по идеалу человеческое сознание [11. С. 41].

Приведем еще один простейший пример (рис. 3).

Сегодня во многих отраслях массовой культуры заметна тенденция осмысления традиционных сюжетов на новый лад, переименования знаковых персонажей для того, чтобы взглянуть на них под другим углом. Любопытно отметить, что данная тенденция касается практически исключительно персонажей отрицательного толка. Каноничным злодеям XIX–XX вв. создают глубокие предыстории, объясняющие их мотивы, застав-

ляющие проникнуться к ним сочувствием. Люди по-новому смотрят, например, на стереотипную Круэллу де Виль, превращенную сегодня в антигероиню с изломанной и трагической судьбой, сопереживают безжалостному убийце и психопату Джокеру, ведь им демонстрируется его борьба с обществом. И каждый в глубине души находит эмоциональный отклик, понимая, что такая история могла случиться и с ним, никто не застрахован от такой судьбы. Это и есть эффект присутствия, при котором герои массовой культуры в прямом смысле слова живут среди нас и управляют нами. Строго говоря, в самой идее очеловечивания отрицательных персонажей нет ничего плохого, это просто этап развития культуры современного общества. Однако, повторимся, в условиях мирового политического и экономического кризиса, в период расцвета эскапистских тенденций муссирование подобных «серых» идеалов может привести к разрушительным последствиям.

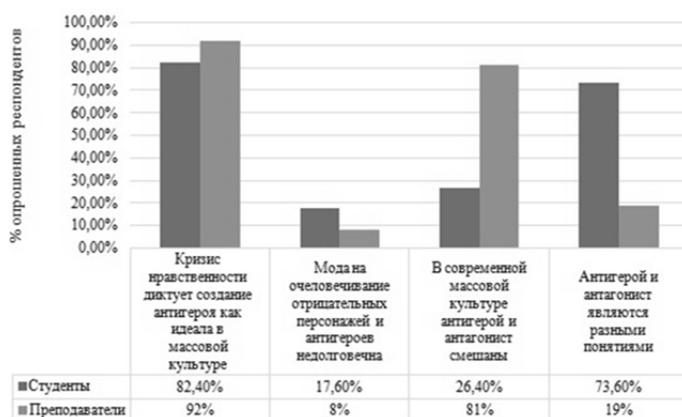

Рис. 3. Факторы, влияющие на формирование антигеройского идеала в массовой культуре

При подведении итогов нашего исследования нами была отмечена любопытная тенденция. Респонденты из числа студентов и преподавателей высказали практически диаметрально противоположные мнения относительно соотношения в современных образах массовой культуры антигероев и антагонистов. Студенты указали, что это разные термины, тогда как преподаватели сообщили об их синонимичности. Между тем с позиции культурологии и искусствоведения это фактически разные по своему содержанию категории. Если антагонист обычно выступает соперником либо противоположностью положительного персонажа (протагониста), то антигерой обычно понимается как более сложный персонаж, не являющийся в полной мере злодеем, но и не выступающим обычно на стороне добра. Путаница в терминологии может указывать на фактическую подмену осознания нравственных ценностей у респондентов, а это означает необходимость ведения комплексной информационно-разъяснительной и просветительской работы в образовательных учреждениях всех уровней.

При анализе мнений респондентов касательно возможности нравственного исправления криминальной личности мы столкнулись с достаточно высоким уровнем цинизма в ответах. Более взрослые респонденты в большинстве своем определяют нравственные категории как абстракцию, указывая на абсурдность попыток их внедрения в массы (рис. 4).

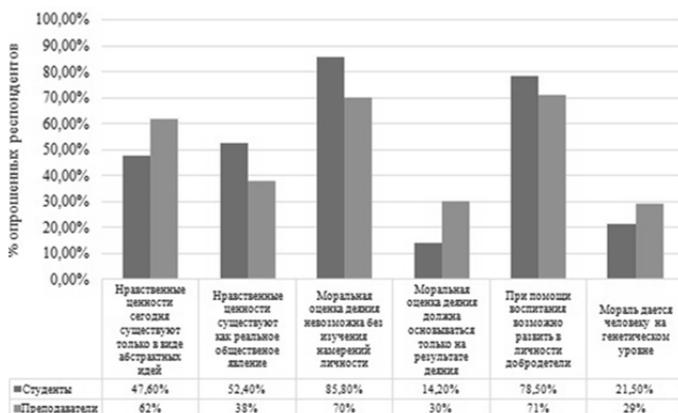

Рис. 4. Анализ мнений студентов и преподавателей относительно нравственного исправления личности, совершающей противоправные деяния

На вопрос, влияет ли искажение моральных и нравственных ценностей на криминогенную обстановку в обществе, 82,4% опрошенных студентов и преподавателей ответили, что искажение моральных и нравственных ценностей приводит к увеличению количества преступлений. По мнению респондентов, именно нравственное воспитание и моральное совершенствование общества могут привести к снижению количества преступлений. Однако на вопрос, как именно это сделать, респонденты ответить затруднились. Самым частым ответом было предложение введения цензуры в средства массовой информации. Далее в ответах респондентов была заметна путаница и неопределенность.

Распространение преступлений террористической направленности нельзя объяснять исключительно «объективными» причинами (политическими, социальными, психологическими). Нередко мы можем наблюдать прецессию средств массовой информации в отношении террористического насилия. Именно поэтому терроризм порождается не страстью, а материалами, несущими его идеологию через средства массовой информации. Отсюда напрашивается вывод, что мало ввести институт цензуры, необходимо формирование не менее яркой и четкой ответной антитеррористической идеологии – идеологии нового типа, основанной не на теоретическом учении, а на клиповых образах. Новый терроризм в цифровой сфере подпитывается идеалами массовой культуры, и только с их помощью, на наш взгляд, возможно ведение целостной контрпропаганды [12. С. 81].

При этом большинство респондентов готовы работать в сфере нравственно-просветительской деятельности, и это можно считать основным результатом нашего исследования (рис. 5).

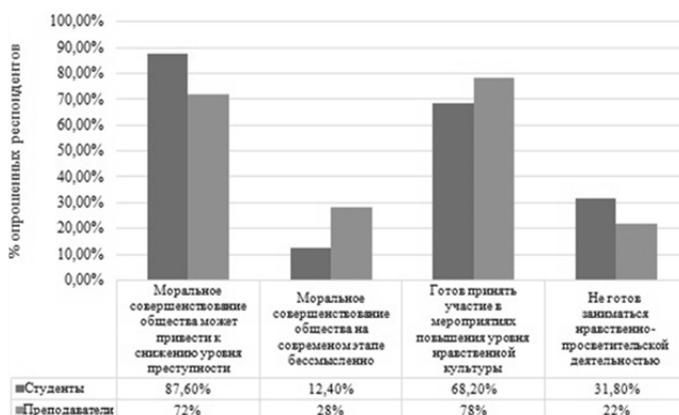

Рис. 5. Анализ мнений студентов и преподавателей относительно необходимости ведения нравственно-просветительской работы для формирования среди молодежи стойкой антитеррористической идеологии

Тем не менее полученные данные указывают на необходимость продолжения исследований.

Культ силы, пропагандируемый массмедиа, спровоцировал стихийное социальное заражение, ответом на которое стал всплеск насильственных деяний террористического характера. Гибридное противостояние государств и неконтролируемая, а часто и поощряемая ими террористическая активность в цифровой сфере породили агрессивный идеал героя нашего времени. Для борьбы с этой триадой требуется прочная идеологическая основа в антитеррористической сфере, создаваемая совместными усилиями государства и институтов гражданского общества.

Список источников

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. 3-е изд. М. : Добросвет: КДУ, 2009. 257 с.
2. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал. М. : Университетская тип., 1880. 435 с.
3. Новиков Д.В., Иваньков А.В. Психология массовых коммуникаций : учеб. пособие. Комсомольск-на-Амуре : КНАГТУ, 2012. 44 с.
4. Общество потребления / пер. с фр. Е.А. Самарской. М. : АСТ, 2020. 216 с.
5. Овчинский А.С. Информационные воздействия и организованная преступность : курс лекций. М. : ИНФРА-М, 2007. 176 с.
6. Поздняков Э.А. Философия культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Весь Мир, 2015. 608 с.
7. Абазов К.М. Проблема использования современных информационно-коммуникационных технологий международными террористическими организациями // Вопросы безопасности. 2018. № 3. С. 1–9.

8. Абдулатипов А.М. Понятие информационного терроризма // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2019. № 2. С. 105–111.
9. Анисимова И.А. Преступления террористической направленности: сравнительные аспекты. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. 122 с.
10. Бутусова Л.И. К вопросу о киберпреступности в международном праве // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2. С. 48–52.
11. Мазуров В.А. Кибертерроризм: понятие, проблемы противодействия // Доклады ТУСУР. 2010. № 1-1 (21). С. 41–45.
12. Обрывко Е.И., Стародубцева М.А., Саенко А.А. О некоторых аспектах повышения правовой культуры в вопросах профилактики экстремизма и идеологии терроризма в образовательной среде // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11. С. 81–84.

References

1. Baudrillard, J. (2009) *Prozrachnost' zla* [Transparency of Evil]. Translated from French by L. Lyubarskaya, E. Markovskaya. 3rd ed. Moscow: Dobrosvet: KDU.
2. Soloviev, V.S. (1880) *Kritika otvlechennykh nachal* [Criticism of Abstract Principles]. Moscow: Universitetkaya tip.
3. Novikov, D.V. & Ivankov, A.V. (2012) *Psikhologiya massovykh kommunikatsiy* [Psychology of Mass Communications]. Komsomolsk-on-Amur: KnASTU.
4. Baudrillard, J. (2020) *Obshchestvo potrebleniya* [The Consumer Society]. Translated from French by E.A. Samarskoy. Moscow: AST.
5. Ovchinskiy, A.S. (2007) *Informatsionnye vozdeystviya i organizovannaya prestupnost'* [Information Influences and Organized Crime]. Moscow: INFRA-M.
6. Pozdnyakov, E.A. (2015) *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of Culture]. 2nd ed. Moscow: Ves' Mir.
7. Abazov, K.M. (2018) Using Modern Information and Communication Technology by International Terrorist Organizations. *Voprosy bezopasnosti – Security Issues*. 3. pp. 1–9. (In Russian). DOI: 10.25136/2409-7543.2018.3.26406
8. Abdulatipov, A.M. (2019) The concept of information terrorism. *Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta – Law Herald of Dagestan State University*. 2. pp. 105–111. (In Russian).
9. Anisimova, I.A. (2021) *Prestupleniya terroristicheskoy napravlenosti: sravnitel'nye aspekty* [Terrorist Crimes: Comparative Aspects]. Barnaul: Altai State University.
10. Butusova, L.I. (2016) К вопросу о киберпреступности в международном праве [On the cybercrime in international law]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 2. pp. 48–52.
11. Mazurov, V.A. (2010) Кибертерроризм: понятие, проблемы противодействия [Cyberterrorism: concept, problems of counteraction]. *Doklady TUSUR*. 1-1(21). pp. 41–45.
12. Obryvko, E.I., Starodubtseva, M.A. & Saenko, A.A. (2020) О некоторых аспектах повышения правовой культуры в вопросах профилактики экстремизма и идеологии терроризма в образовательной среде [On some aspects of improving the legal culture in the prevention of extremism and the ideology of terrorism in the educational environment]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 11. pp. 81–84.

Информация об авторах:

Детков А.П. – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического института Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: detkov-altai@yandex.ru

Стародубцева М.А. – аспирант, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического института Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: starodubzewa@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.P. Detkov, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: detkov-altai@yandex.ru

M.A. Starodubtseva, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: starodubzewa@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.02.2022;
одобрена после рецензирования 15.07.2022; принята к публикации 10.10.2022.*

*The article was submitted 26.02.2022;
approved after reviewing 15.07.2022; accepted for publication 10.10.2022.*